

Виктор Лунеев,
зав. сектором уголовного права и
криминологии Института государства и
права РАН
д.ю.н., проф., лауреат Гос. премии

Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз

После мировых войн и возможных глобальных катастроф транснациональная и национальная преступность становится **главной угрозой современности**. Организованное противодействие ей в последнее время в связи с интенсивностью терроризма, как одной из форм особо тяжкой преступности, даже названо «третьей мировой войной». Преступность в традиционном понимании продолжает, как и прежде, расти быстрее, чем численность населения, мгновенно заполняя неконтролируемые или слабо контролируемые правом ниши. По данным обзоров ООН преступность в мире в среднем прирастает до 5% в год при приросте населения в 1-1,2%. Увеличивается ее общественная опасность и причиняемый ею вред. Качественные изменения преступного поведения дрейфуют в сторону большей изощренности. Преступность все больше организуется, вооружается, коррумпируется, глобализируется и интеллектуализируется, оперативно используя все достижения науки и техники для осуществления своих целей. Перечисленные особенности криминальной деятельности современности в полной мере характерны для российской преступности. **В силу этого реформирование в любой сфере жизни и деятельности (политической, социальной, экономической, организационной и даже правовой) в современной России связано с преодолением или хотя бы минимизацией растущего криминала.**

Более века назад высказывались предположения, о якобы закономерном снижении уровня преступности в процессе социального, экономического, политического и культурного развития человеческого общества. А в СССР даже «научно» обосновывали идею о постепенном ее отмирании в процессе социалистического строительства. Связь преступности с социальными, политическими, экономическими и культурными условиями человеческого существования действительно не вызывает сомнений. Вывод о социальной детерминации преступности находит повсеместное подтверждение. Но оптимистические прогнозы о ее сокращении и отмирании в процессе развития социума не оправдываются ни в развитых, ни в развивающихся, ни в капиталистических, ни в социалистических странах, хотя уровень учтенной преступности в различных государствах и регионах мира может различаться на порядок и больше, а динамика преступности в некоторых странах и в некоторые годы может быть позитивной. Причин к этому много, в том числе и социальных. Но надежных данных о серьезном сокращении преступности в связи с социально-экономическим прогрессом той или иной страны нет. Нередко это связано с различиями в уголовном законодательстве, с качеством деятельности системы уголовной юстиции, с уровнем латентной преступности. В связи с последним фактором между официально регистрируемой преступностью и ее реальным уровнем в разных странах имеются существенные расхождения, укладывающиеся в соотношения 1:2 – 1:5.

Между тенденциями социально-экономического развития и динамикой преступности, к сожалению, нет скорых, жестких и прямых корреляций. Научно-технический прогресс, социально-экономическое и нравственно-правовое развитие людей имеют разные скорости осуществления и сложную между собой корреляцию. В своей речи в Международной академии философии (княжество Лихтенштейн) 14 сентября 1993

г. А.И.Солженицын говорил, что надежды человечества на то, что прогресс, основанный на экономическом развитии, приведет к общему смягчению нравов, не оправдались. «Прогресс – да, идет – полагает он. – И даже ошеломительно превосходя ожидания, – да только идет-то он в одной технической цивилизации (с особыми успехами в устройстве быта и военных изобретений)... За XX век не произошло в человечестве нарастания нравственности. А вот уничтожения совершались много массовой...» Более того, с развитием общества социальные, экономические, политические и психологические противоречия криминогенного характера не уменьшаются, а даже возрастают. Самый высокий реальный и особенно учитываемый общий уровень преступности, как ни парадоксально звучит, наличествует в самых богатых, экономически, социально и политически развитых странах.

Профессор США Грэм Ньюмен, не оспаривая эту тенденцию, придумал своеобразную оценку взаимосвязей между развитой экономикой и преступностью. Он соглашается, что в США и других развитых странах действительно очень высокая преступность, но она, по его мнению, меньше задевает общество, чем в бедных странах. Предложив типично американское прагматическое объяснение, он сравнил преступность с камнем, а экономику с лужей. Если бросить большой камень в малую лужу, она вся расплещется. А если свалить несколько машин камней в огромное озеро, оно этого может и “не заметить”. Автор заключает, что с повышением уровня развития влияние преступлений может быть меньше, несмотря на увеличение их числа.¹

Однако и это объяснение не свидетельствует о наличии жесткой прямой связи уровня развития экономики со снижением преступности. Но в сознании населения существование этой связи много столетий поддерживается официальной статистикой, которая якобы свидетельствует о том, что среди пойманных преступников доминируют бедные и социально неустроенные люди. Более глубокий анализ показывает, что подобная статистика в значительной мере – результат выборочной регистрации преступлений и выборочной уголовной ответственности, чем реальных криминологических закономерностей.

На этом противоречивом и неблагоприятном криминогенном фоне во второй половине XX века протекал параллельный процесс **отставания социально-правового контроля преступности** в результате как малоэффективной непрофессиональной деятельности правоохранительных органов, несопоставимости их возможностей с криминальными силами, так и несовершенного и неадекватно либерализированного законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью.²

Эти положения имеют особое значение для России. Экспертами ООН еще в 90-е годы было замечено, что власти стран, вышедших из тоталитарного прошлого, не устанавливают эффективного социально-правового контроля над преступностью, боясь обвинений в возвращении к тоталитаризму. И этот синдром до сих пор политически актуален. Многие у нас и особенно за рубежом отмечают: Россия – криминальная и коррумпированная страна, в которой отсутствует элементарный правовой порядок. Но как только предпринимаются какие-либо меры по наведению правовых устоев, почти мгновенно актуализируется рефрен: в России наступает тоталитаризм. Не остается сомнений в том, что эта демагогическая спекуляция исходит от «высоких» криминализированных кругов общества, которым выгодно слабое государство. Возвращение же к тоталитаризму сталинского образца было маловероятно даже во времена Хрущева. А на современном этапе развития страны и мира это вообще неосуществимо. Пугая тоталитаризмом в связи с предпринимаемыми мерами по

¹ Newman Graeme. Crime and the Human Condition. Essays Crime and Development. UNICRI, Rome, 1990/ P. 80-82.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 30-39.

укреплению государства, соответствующие круги не принимают (или не желают принимать) во внимание того, что никакой демократии, никакого цивилизованного рынка, никакого соблюдения свободы и прав человека невозможно достигнуть в условиях правового беспредела и безнаказанности.

Одна из самых устойчивых и относительно сильных отрицательных связей наблюдается между уровнем социально-правового контроля противоправного поведения и состоянием преступности. Причем контроль по своему содержанию может быть разный (политический, социальный, производственный, религиозный, семейный и т. д.). Американский криминолог Фреда Адлер в своей книге о нациях без преступности на основе данных ООН Первого обзора преступности в мире (1970-1975 годы) отобрала 10 стран с относительно низким уровнем преступности: Швейцарию и Ирландию (Зап. Европа), Болгарию и ГДР (Вост. Европа, соцстраны), Коста-Рику и Перу (Лат. Америка), Алжир и Саудовскую Аравию (Сев. Африка и Ближний Восток, мусульманские страны), Японию и Непал (Азия и Дальний Восток). Эти страны по своей причинно-криминологической характеристике были самыми разными. Объединяло их только одно: очень разный, но сильный социально-правовой контроль, действующий не только в пределах уголовно-правовой системы³. Эффективность социально-правового контроля в удержании преступности на относительно низком уровне подтверждается всюду. Необходимость его укрепления стала особенно очевидной в последние годы.⁴

Таким образом, мировые и отечественные исследования преступности показывают, что она относительно **жестко и отрицательно коррелирует с различными формами социально-правового контроля: судебным, прокурорским, конституционным, административным, налоговым, финансовым, бюджетным, валютным, таможенным, пограничным, миграционным, санитарным, экологическим, гражданским, общественным и т. д.** При этом необходимо сознавать, контроль - не панацея от всех криминальных дел. Он должен органично встраиваться в более широкую систему правовых, организационных, социальных и экономических мер. Более того, при серьезном доминировании он может превратиться в свою противоположность. Стать криминогенным и коррупциогенным, сковывать правомерную инициативу граждан, субъектов рынка и т. д. Но там, где он построен на научно обоснованных и разумных законах, принятых демократическим путем, он оказывает заметное противодействие разгулу преступности.⁵

К сожалению, в нашей стране социально-правовой контроль нередко ассоциируется с тотальным, советским, хотя необходимые составляющие социально-правового контроля в той или иной мере свойственны всем демократическим странам. В то же время **тоталитаризм** разных мастей (фашистский, коммунистический, религиозно-фундаменталистский и др.) чрезвычайной жестокостью и государственным насилием действительно может удержать традиционную уголовную преступность на социально-терпимом уровне, но он криминален по своей сути и формы его борьбы с преступностью опаснее самой преступности. Удерживая традиционную уголовную преступность в определенной узде, он не избавляет общество от массовой виктимизации. И он не может быть приемлем.

С другой стороны, **либеральная демократия**, являясь магистральным направлением политического и гуманистического развития человеческого общества, отвергающая дискреционные злоупотребления властей против своего народа и нарушения его неотъемлемых прав, все менее и менее справляется с интенсивно растущей

³ См., Freda Adler. Nations not Obsessed with Crime. Littleton/Colorado. 1983;

⁴ См., Лунеев В.В. Социально-правовой контроль и предупреждение преступности.// Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. М., 2002. С. 145-164.

⁵ См., Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сборник материалов конференций. Под ред. В.В.Лунеева. М., 2002. С. 15-30 и далее.

организованной, террористической, коррупционной и общей преступностью, действующей без правил и признающей только грубую силу.

Особенно беспомощным в борьбе с преступностью оказался российский либерализм (который понимается некоторыми правыми политиками и их теоретиками в виде «абсолютной» свободы субъектов), отвергающий эффективный социально-правовой контроль гражданского общества и государства, идеи самобытного сильного правового государства, дееспособную государственную власть, гармонию прав и обязанностей граждан.

В «Манифесте российского либерализма»⁶ Б. Березовского и его сподвижников, где основным рефреном является «не мешайте нам», нет даже упоминания о праве, без чего шагу не может сделать современное цивилизованное общество. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно проследить интенсивную законотворческую и нормотворческую деятельность Европейского Союза и его отдельных стран, где вся сколько-нибудь социально значимая деятельность регулируется законами и подзаконными актами, принятыми демократическим путем. В рамках действующего законодательства с серьезными санкциями для нарушителей и существует свобода по-европейски. При либерализме без права, близкому к либерализму дикой природы, каждое существо «абсолютно» свободно, но только до тех пор, пока другое более сильное и тоже «абсолютно» свободное существо не проглотит его.

Сторонники такого либерализма не утруждают себя необходимостью объективного изучения социально-правового контроля в демократических государствах, без которого невозможны ни демократия, ни рыночная экономика, ни правовое государство. Они не озабочены и массовой преступностью в стране и миллионами ее беззащитных жертв. Таким образом, и при жестоком тоталитаризме, и при беспомощном либерализме общество попадает в **криминальный капкан**, созданным либо криминальной властью, либо властью криминала. Реальным выходом из этого капкана может быть только **ювелирная гармонизация социально-правового контроля и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека, эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и гуманностью этой борьбы**. Односторонние и крайние подходы ведут нас в тупик. Их не трудно видеть в России сегодня и прогнозировать в обозримом будущем.

Тенденции преступности

Общемировые тенденции и закономерности преступности в относительно полной мере свойственны преступности и в нашей стране. Даже в советское время, где тотальный контроль удерживал более низкий уровень уголовной преступности, чем в западно-европейских странах, ее тенденции были схожими с мировыми. Например, в 50-е годы учтенная преступность в Швеции была почти на порядок выше, чем регистрируемая преступность в СССР. Но к 90-ым годам преступность и в Швеции, и в СССР увеличилась в 5,6 раза, т.е. темпы прироста были фактически схожими, хотя уровни преступности существенно различались. В процессе ущербной перестройки и криминального реформирования России при переходе к капиталистической системе в характеристике российской преступности появилось ряд характерных **особенностей и тенденций**.

Первая. В стране идет социально-психологический процесс интенсивного **привыкания** населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым формам, организованной, террористической и коррупционной. Два десятка лет тому назад череда организованного кровавого терроризма, массовых захватов заложников, работоторговли, непрекращающихся публичных заказных убийств, многомиллионных мошенничеств и открытая беспрецедентная и циничная коррумпированность высших государственных должностных лиц глубоко шокировали бы россиян. Ныне они видят это

⁶ Независимая газета. 2002, 11 апреля

почти ежедневно и принимают как данность. Преступность возмущает их только тогда, когда они оказываются в потерпевших. Осознание обыденности криминала, порождает безысходность и понимание бесполезности борьбы с ним. А значительное число людей воспринимают криминальный путь решения жизненных проблем почти нормальным. Иначе не выжить, - убеждены они.

На эту позицию даже становятся высшие власти. Для всех думающих людей понятно, что без преодоления криминала полноценные реформы в стране не осуществимы. Но вчитаемся в последнее Послание Президента В. Путина Федеральному Собранию РФ⁷. В нем поставлены серьезные задачи, важнейшими из которых названы: увеличение ВВП в два раза, преодоление бедности и модернизация армии. Но ни одна из них не будет выполнена, если не будет эффективной борьбы с криминалом. Он высасывает и ВВП, и богатства страны, и разрушает воинские устои. Я имею ввиду не уличную общеуголовную преступность, пускай даже опасную, а институциональную экономическую, организованную, коррупционную. Поскольку ныне даже самые кровавые преступления являются всего лишь «пенной» на этой преступности. Но о борьбе с ней в Послании нет ни слова. Более того, разрушающая государственность организованная коррупция в нем названа, хотя и в кавычках, но вполне позитивно - «административной рентой».

Позднее в связи с делом ЮКОСа Президент РФ высказался более определенно и жестко. Он отказался встречаться с предпринимателями и политиками по поводу ареста главы ЮКОСа, сказав, что арест – прерогатива суда, а не исполнительной власти и прокуратуры. Если суд принял такое решение, значит у него были основания. Поэтому никакой торговли по поводу деятельности правоохранительных органов не будет, если, конечно, они действуют в рамках закона. «Перед ним (судом – В.Л.) так же, как и перед законом, должны быть равны все – скромный клерк, и государственный чиновник даже самого высокого ранга..., так и рядовой гражданин, средний предприниматель, крупный бизнесмен вне зависимости от того, сколько миллиардов долларов числится на его личном или корпоративном счетах... В некоторых странах созданы системы по борьбе с коррупцией. Считаю целесообразным сделать то же самое и у нас».⁸

Такие высказывания обнадеживают, поскольку за два десятка лет шумных демагогических разговоров о все поглощающей коррупции на всех уровнях власти в стране так и не принято действенного федерального закона о борьбе с ней, особенно в высших эшелонах власти, где присваиваются миллиарды и где в значительной части рушатся не выгодные высоким коррупционерам реформы. Возбуждение «шумных» уголовных дел и арест «оборотней в погонах», коррупционеров из Московского МУР,⁹ и других чиновников не решает этой проблемы, так основная и разрушающая государство коррупция и экономическая преступность является институциональной и находится в более высоких и более организованных властных структурах. Более того, активность правоохранительных органов перед думскими выборами настораживает.

Вторая. В виртуальном кино-телемире непрерывно идущих криминальных картин показывается то же, что и существует в реальной преступной действительности и они вызывают массовый интерес. Популярность бандитских боевиков стоит на одном из первых мест. Американский писатель Джон Стейнбек в «Путешествии с Чарли в поисках Америки» пишет, что мы любим добродетель, но нас больше интересует не честный бухгалтер, верная жена или серьезный ученый, а бродяга, шарлатан, растратчик, преступник, бандит и т. д. Аудитория такого интереса огромна. Спрос рождает предложения, которые ничем не ограничены. Некоторые пределы стали робко

⁷ Российская газета. 2003, 17 мая.

⁸ Российская газета. 2003. 28 октября.

⁹ Российская газета. 2003. 26 июня.

вырабатываться лишь в последнее время. Но криминальная «зараза» уже укоренилась в сознании и даже в подсознании нынешних поколений, которую одними увещеваниями не остановить. И привыкание, и интерес к криминалу, особенно среди подростков и молодежи, - очень опасные и долгосрочные социально-психологические тенденции.

Третья. Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения - утилитарна: корысть, различные формы личной выгоды, власть, месть, секс и т.д. Суть побуждений не изменилась с библейских времен, только упростилась и усилилась. Согласно предсказаниям французского историка Эрнеста Ренана, сделанные более ста лет тому назад, тенденция эпохи будет стремиться к тому, «чтобы заместить во всем моральные двигатели материальными».¹⁰ Удельный вес корысти в преступном поведении достигает апогея - 80-90 и более процентов. Процесс «окорыствования» общественных (экономических, социальных, политических, правовых) отношений интенсивно продолжается. «Доллары», «баксы», «зеленые», «мани» самые распространенные слова среди молодежи. Корыстолюбие, дикость и примитивность человеческого поведения еще в большей мере, чем в прошлые века становятся нормой нашего бытия и в нашу претендующую на цивилизованность эпоху. Надежды человечества на то, что прогресс, основанный на научно-техническом, демократическом, социальном и экономическом развитии, приведет к облагораживанию человеческой мотивации, практически не оправдываются и не только в нашей стране.

Четвертая. За прошедшее столетие преступность в среднем увеличилась на порядок. Аналогичная тенденция была и в нашей стране. Ежегодно в мире только регистрируется до 450-500 млн. преступлений на 6 млрд. населения. Это около 8 тыс. деяний на 100 тыс. населения. Реальная преступность, по меньшей мере, вдвое выше. В некоторых мегаполисах европейских стран уже ныне регистрируется до 16 и более тыс. преступлений на 100 тыс. населения. Латентная (незаявленная, неучтенная, неустановленная) преступность даже в самых организованных обществах соотносима с регистрируемой. В нашей стране она оценивается отношением 1:5, т.е. на одно учтенное деяние 4-5 реально совершаемых преступлений остаются латентными, а, следовательно, и безнаказанными.

Пятая. Наряду с фактическим ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведение в ранг преступления) все новых и новых видов общественно опасного поведения. За время действия предыдущих четырех уголовных кодексов в России было криминализировано более 300 новых видов и декриминализировано около 100. Предложения к расширению нового УК идут непрерывным потоком. Процесс этот - естественен. Но когда тенденция криминализации в три-четыре раза превалирует над декриминализацией, то это требует серьезного криминологического осмысления. Ныне в сферу преступного зачислены все сколько-нибудь значимые угрозы для человека, общества и государства. В этих условиях государственным органам не под силу взять под контроль беспредельно расширяющуюся сферу преступного. В связи с этим ширится безнаказанность, которая является существенной причиной дальнейшего роста преступности. Порочный круг замыкается.

Шестая. Процесс интенсивной криминализации новых деяний, совершаемых простыми людьми, отрицательно коррелирует с не менее интенсивным торможением возведения в ранг преступлений общественно опасных деяний, совершаемых политической, экономической и правящей элитой. Например, единичные случаи экстремистских действий «скинхедов» и других групп социально брошенной молодежи напугали власть имущих и побудили исполнительную и законодательную власть в спешном порядке принять слабо проработанный, а в ряде положений и порочный Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002

¹⁰ Ренан Э. Де-Саси и либеральная школа. Полн. Собр. Соч. в 12 томах. Т. 3. Киев. 1892. С. 12.

г.). Хотя прежнее законодательство позволяло относительно успешно контролировать экстремистские и хулиганские проявления. Тем не менее, не вызывают сомнений оперативные действия властей упредить развитие экстремизма, для которого в стране есть серьезная социальная база. Но в то же время массовая интенсивно распространяющаяся коррупция, разрушающая все и вся, исчисляемая суммой почти равной доходной части бюджета¹¹, о которой около 20 лет трубят и у нас, и за рубежом, остается в значительной мере не криминализованной и безнаказанной.¹² Многочисленные попытки принять закон о борьбе с беспрецедентной коррупцией вообще или в высших эшелонах власти терпят полный провал. Наша экономическая, политическая и правящая элита легко перенимает права и свободы европейских стран, но как возвращение к тоталитаризму расценивает демократический контроль над своей противоправной деятельностью. Этот фактор является особо криминогенным.

Седьмая. Интенсивное расширение сферы уголовно-наказуемого поведения в принципе ошибочно расценивать как укрепление правопорядка. Сфера преступного должна быть ограничена наиболее опасными деяниями. Конкретный криминологический анализ показывает, что российская система уголовной юстиции плохо перерабатывает даже выборочно регистрируемую преступность. И если она сегодня не справляется с расследованием выборочно учтенных 2,5-3 млн. преступлений и около 1млн. подсудимых, то эта система совсем рухнет под грудой около 12-15 млн. реально совершаемых преступлений уголовных дел, более или менее охватывающих фактическую преступность. Российские правоохранительные органы вынужденно, но целенаправленно учитывают не более четвертой – пятой части реальной преступности, выявляют менее половины виновных по зарегистрированным деяниям и доводят до суда не более одного из десяти фактических преступников. Нужны другие подходы, другие стратегии в борьбе с преступностью.

Восьмая. Кто же эти пойманные преступники? По данным МВД 2002 г. в числе 1,3 млн. выявленных правонарушителей находились: 53% - лиц, не имеющих постоянного источника дохода, 24% - совершивших преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 24% - ранее судимых, 18% - женщин (идет процесс феминизации преступности), 11% - несовершеннолетних и только 3,6% совершивших преступления в составе организованных групп или преступных сообществ. Таким образом, система уголовной юстиции в основном нацелена на бедные, низшие, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния. Такая статистика при внедренной в сознание масс декларации «все равны перед законом и судом» почти всех удовлетворяет: власть, элиту, правоохранительные органы, суды, тюрьмы, криминологов (которые вроде бы открыли истину о бедности, как основной причине преступности) и большинство населения, кроме той части, которая «попалась». Эта «выборочная» статистика дает возможность абсолютному большинству «латентных преступников» особенно из правящей, политической и экономической элиты чувствовать себя порядочными людьми (хотя коррупционная и иная криминальная повязанность достигла предела), поскольку, как мы знаем, преступник не тот, кто совершил злодеяние, а тот, кто попался. А ныне делается все, чтобы преступники из правящей, политической и экономической элиты попадались как можно меньше.

¹¹ Общая оценка суммы выплачиваемой в течении года только предпринимателями чиновникам составляет 33,5 млрд. долларов (Диагностика российской коррупции: социологический анализ. Москва. Фонд ИНДЕМ. 2002. С. 21.)

¹² См.: Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. //Коррупция: политические, экономические, организационные проблемы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Под ред. В.В.Лунеева. М.. Юристъ, 2001. С. 23, 36-37; «Организованная преступность, терроризм и коррупция». Криминологический ежеквартальный альманах. № 1, 2003., посвященный коррупции.

Поэтому к уголовной ответственности привлекаются в основном те, кто совершил примитивное и очевидное деяние; кто не смог замести свои следы; кто не способен квалифицированно самозащищаться; кто не прикрыт депутатской и иной должностной неприкосновенностью; у кого нет защиты наверху, кто плохо понимает презумпцию невиновности; у кого нет оснований блефовать, что его преследуют по политическим мотивам; у кого нет средств на известного адвоката; кто не может внести залог и выйти на свободу до суда для заметания следов; кто не может сфабриковать или добыть необходимый компромат на своих преследователей; кто не может просто откупиться от них и т.д. Такая практика серьезно подрывает конституционный принцип - все равны перед законом и судом – и является особо криминогенным обстоятельством.

Девятая Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные; правящая, политическая, экономическая элита; президенты, премьер-министры, министры и губернаторы. Коэффициент поражаемости реальной преступностью элитарных групп (как отношение преступников из этих групп к общему числу лиц данных групп) не ниже (или не намного ниже), чем самых неблагополучных слоев населения. Другой вопрос: каждый слой общества совершает «свои» преступления. Высокопоставленному должностному лицу ничего не надо делать самому, ему надо лишь намекнуть о своих потребностях; государственному чиновнику нет нужды совершать грабежи, он многократно может обогатиться от продажи конфиденциальной информации и т.д. А ответственность наступает по-разному. Преступления нищеты, бедности и слабо адаптированных к жизни людей легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а преступность власти, богатства и интеллекта почти не значит в орбите деятельности правоохранительных органов. **Хотя именно в этой сфере причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству.** Сложилась ситуация, давно описанная в литературе: если ты украл булку хлеба - пойдешь в тюрьму, а если - железную дорогу, будешь сенатором. **Свою выгоду преступники от власти и бизнеса умеют находить всюду: в революции и контрреволюции, в войне и мире, в экономических успехах и в банкротствах, в человеческих трагедиях и в гуманитарной помощи.** Будучи составной частью государства, они оказались проворнее, профессиональнее, умнее, богаче и защищеннее его.

Салтыков-Щедрин в середине 18 века в одной из своих сказок писал о прокуроре Куролесыче, у которого было два ока: одно – дреманное, а другое – недреманное. Дреманным он ничего не видел, а недреманным видел пустяки. Говорят ему: «... Чего вы, Прокурор Куролесыч, смотрите! Вон они хищники-то, вон! – Где хищники? Кто казенное добро тащит? - Вот хищники! Вон они! Вон он какой домино на краденные деньги вбодрил! А то вон – ишь сколько тысяч десятин земли у казны украл! - Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а собственники! Они своим имуществом спокойно владеют, и все документы у них налицо. Это вы нарочно, бездельники, кричите, чтобы принцип собственности подрывать! Взять его под арест!» Что изменилось с тех пор? А прошло более 150 лет.

Тенденции борьбы

Краткий анализ тенденций преступности дает некоторые основания судить и о тенденциях борьбы с ней. Общим трендом этой борьбы является заметное снижение социально-правового контроля преступности в силу социально-правовой беспомощности перед криминалом и непродуманной гуманизации к современным преступникам, которые кроме грубой силы ничего не воспринимают. Это снижение в нашей стране сопровождается искусственным уменьшением числа регистрируемых деяний, проведением систематических и массовых амнистий, снижением возможностей системы

уголовной юстиции в условиях неадекватного процессуального режима и другими «показушными» обстоятельствами.

Было бы ошибкой утверждать, что все происходящие изменения полностью неоправданны. Но не меньшим просчетом было бы полагать, что многие их аспекты реалистичны, обоснованы и позитивны. В связи с этим эффективность борьбы с преступностью в период некоторых положительных сдвигов укрепления государства не повышается, а снижается. Рассмотрим некоторые тенденции.

Первая. Вопрос эффективности борьбы с преступностью всегда был актуален, но он почти никогда в советское время серьезно у нас не решался. Лишь в начале 60-х годов, когда криминология, социология и статистика в стране вышли из под запрета, проблема эффективности была востребована. Появились работы (правда, в значительной мере сугубо теоретические) отечественных криминологов и социологов права об эффективности правовых норм, уголовного закона, уголовного процесса, предварительного следствия, деятельности прокуратуры, судов, органов внутренних дел и системы уголовной юстиции в целом.¹³ Но годы перестроечных метаний, перешедших в строительство криминального капитализма, сделали эти исследования снова никчемными. Борьба с преступностью была признана не корректным термином. На фоне борьбы с тоталитаризмом возобладала демагогическая идея: суд не борется с преступностью, а защищает права, причем главным образом – права обвиняемых, подсудимых и осужденных. Эти идеологи «нового времени» путали ответственность судов за рост преступности (такую ответственность возлагать даже на правоохранительные органы следует очень осторожно) с объективным влиянием суда на поведение людей. Их не смущало то, что реальная и цивилизованная борьба с преступностью невозможна вне суда. А ныне без судебных решений недопустима даже оперативно-розыскная, и следственная работа.

Аналогичные идеи высказывались и в отношении прокуратуры, полагая, что она тоже не борется с преступностью, а только надзирает за этой борьбой. Единственным и реальным борцом с изощренной и растущей преступностью в условиях полного паралича власти осталась слабо подготовленная, плохо оснащенная, мало оплачиваемая милиция, которую тысячами покидали облыжно обвиненные в совершении сталинских репрессий профессионалы, объективно (по возрасту) не имеющие никакого отношения к 37 году.

Фактическая преступность интенсивно росла. Ответом на это были формальные указы по усилению борьбы и показательные ничем не обеспеченные государственные программы с тем же наименованием. Реальной эффективностью таких указов и программ по сути никто не интересовался, а в настоящее время и такие сугубо пропагандистские программы уже не принимаются.

Важным критерием стало соответствие новым «высоким политическим идеям», взятым, как правило, с чужого плеча. Борьба с преступностью, как и в советское время, вновь стала заложницей не менее демагогической идеологии, которая естественно не нуждалась в профессиональном изучении эффективности борьбы с криминалом. Наоборот, борьба велась с правоохранительной системой, которая могла мешать рвущимся любыми путями к власти и собственности нуворишам. Пять раз, например, под разными предлогами разрушалась Ельциным служба безопасности, которую потом с большими потерями приходилось восстанавливать. На криминале лишь стало выгодно политически спекулировать и вспоминать о нем для критики той же системы уголовной юстиции по случаю громких заказных убийств высокопоставленных «приватизаторов».

¹³ См., например: Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Под ред. Б.С.Никифорова. М., 1968; Кудрявцев В. Эффективность системы уголовной юстиции. «Социалистическая законность», 1971, № 7; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. ЛГУ, 1973; И.Л.Петрухин и др. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979; Кудрявцев В.Н. и др. Эффективность правовых норм. М., 1980 и многие другие.

Под святым знаменем демократии, свободы и прав человека стали решаться главным образом узко партийные и своекорыстные задачи. Достаточно вспомнить неоднократное вето Ельцина на законах о борьбе с коррупцией и контроле за доходами должностных лиц под надуманным предлогом, что их применение якобы нарушает права на неприкосновенность частной жизни чиновников и их семей. Опыт демократических западно-европейских стран, где установлен строгий государственный и гражданский контроль за соблюдением законов, он полностью игнорировал. И эта тенденция доминирует до сих пор.

Это особенно стало очевидным в связи с делом олигархов П.Лебедева, а затем и М. Ходорковского из ЮКОС,а. Арестованные за совершение мошенничества, уклонения от налогов в особо крупных размерах и других деяний на сумму около миллиарда долларов, они превратились в политических великомучеников. Опубликованы десятки явно заказных статей, за них выступают самые высокие партийные и государственные должностные лица и все фактически требуют их освобождения. «Позвоночное» право восстановлено на уровне современных коммуникаций. Порочат не только прокуратуру, но всю судебную власть, которой, оказывается, как они полагают, доверять нельзя. Пугают гражданской войной, снижением иностранных инвестиций и капитализаций компаний и т. д. Ситуативные экономические последствия действительно есть. Но что делать? Продолжать и далее нарушать конституционный принцип равенства всех перед законом и судом. Ответ Президента РФ, процитированный нами в начале статьи юридически выверен.

Предположим, они не виновны. Публичный суд вынужден будет их оправдать, а должностные лица Генеральной прокуратуры должны будут понести заслуженное наказание. Все это будет социально, криминологически и юридически значимо. А если они виновны (трудно представить, чтобы суд в условиях массивного давления со всех сторон дал санкцию на арест и его продление без достаточных оснований) в совершении тяжких деяний и будут освобождены по тем же пресловутым политическим мотивам, то, какова будет цена нашей системы уголовной юстиции, которая легко осуждает безработного к реальной мере уголовного наказания за кражу кошелька и милосердна к многомиллионным мошенникам-миллиардерам в условиях, когда народ еле-еле сводит концы с концами. Арест первых лиц ЮКОСа несомненно был воспринят узкой кучкой богатых, но сомнительных приватизаторов, как сигнал к деприватизации, что заставило высших должностных лиц неоднократно повторять, что ее не будет, но уголовную ответственность за совершение преступлений в пределах срока давности никто не отменял.

Фактическая нацеленность системы уголовной юстиции главным образом на бедные, маргинальные и социально не защищенные слои населения, совершающие легко доказуемые уголовные деяния, и оставление вне правового контроля институциональную организованную и коррупционную преступность власти, богатства и интеллекта, противоправно и разрушительно. Эффективность борьбы с преступностью при таком подходе минусовая. Он подрывает не только конституционный принцип – все равны перед законом и судом, но и представляет особо криминогенное обстоятельство, детерминирующее новые преступления не только обездоленных слоев населения (как ответ на социально-правовую несправедливость), но и элитарных слоев (как результат их безнаказанности).

Вторая. Важной составляющей эффективности борьбы с преступностью является **реалистичность законодательной базы**, на основе которой осуществляется эта многообразная деятельность. Некоторые наши законы по ряду серьезных положений не согласуются с нашими реалиями и традициями, не обеспечиваются организационно и экономически. Это существенно снижает эффективность действия законодательства и борьбы с преступностью в целом.

В последнее десятилетие при демократической фразеологии было принято множество сомнительных, социально вредных, криминогенных и коррупциогенных законов, которые привели к дискредитации не только их (это можно исправить), но и **непреходящих ценностей: свободы, демократии, справедливости, рыночной экономики, правового государства.**

Президент Путин В.В., выступая перед законодателями, подчеркнул, что все принимаемые законы должны быть эффективно работающими, эффективно применяемые на практике. При этом государство должно взять на себя только те обязательства, которые оно реально может исполнить и которые финансово обеспечены. Нужно прекратить заниматься пустыми обещаниями, демагогией и перестать обманывать народ принятием не просчитанных и не обеспеченных законов¹⁴.

Право, как и политика, искусство возможного. Если не осознавать этого, то в писаной реальности можно уйти очень далеко. Принятие законов вопреки реальным возможностям лишь дискредитирует их. «Все и сразу» - принцип не продуктивный, тем более для права. Формирование демократического и прагматического общества нуждается не в новых «городах солнца», а в систематическом изучении фактических реалий в целях их совершенствования в соответствии с реальными потребностями и реальными возможностями.

Однако данное требование практически не принимается творцами многих законов, на основе которых организуется борьба с преступностью. Причин много: могущественный лоббизм криминалитета от власти и бизнеса, псевдодемократические установки некоторых политических сил, не критическое и лоскутное заимствование из разных стран без глубокого системного изучения структуры и содержания законодательства в целом, практики его применения и ее эффективности, нежелание считать реалии и просчитывать последствия, революционное стремление добиться всего и сразу, забывая, что самый надежный путь реформ – **эволюционный, постепенный и продуманный.**

Любая наука (физика, биология, социология, экономическая наука, криминология и др.) развивается на основе изучения фактической реальности. Самые захватывающие идеи отбраковываются как негодные, если они не находят подтверждения в этой реальности. Правовая наука, кроме фактической реальности, имеет еще одну для нее важную реальность – писанную (законы, подзаконные правовые акты, судебные решения, правовые системы других стран, теоретические суждения и т.д.). Она важна, но **между писанной и фактической реальностями конкретной страны дистанция может быть огромного размера. Образовавшейся разрыв неуклонно расширяется, свидетельствуя о «ножницах» между нашими правовыми декларациями и практикой жизни. Эти ножницы указывают на масштабы и тенденции нового идеологического и правового лицемерия.**

Особо доказательными считается «писаная реальность» зарубежного происхождения. Как будто там все идеально. Как будто там нет серьезных криминологических проблем. Как будто в так называемых цивилизованных странах все одинаково, а не «по-своему». Но если было бы даже и так: у нас другая страна, другие люди, другая правовая система, другие экономические, финансовые, технические возможности, другая история, другой менталитет, другие вековые традиции, другие социально-правовые и криминологические реалии и т.д. Все ломается через колено ради «цивилизованной шеренги».

Как принято считать, в самой цивилизованной, демократической, образцовой и прагматической стране мира - США, например, - самый высокий уровень реальной преступности; самое большое среди западных развитых стран тюремное население; в кодексах 36 штатов сохраняется смертная казнь да еще в самых изощренных формах и ее

¹⁴ Российская газета. 2003, 19 февраля.

применение расширяется; там существует сделка преступника с правосудием; там архаичное и плохо систематизированное уголовное законодательство; там нет предварительного следствия; там существует административная конфискация имущества; там по многим делам бремя доказывания в уголовном процессе лежит на самом виновном; там существует институт строгой ответственности, допускающий объективное вменение; там после событий 11 сентября 2001г. ради безопасности американцев идет серьезное наступление на «Билль о правах»; там создан правоохранительный монстр (министерство внутренней безопасности) со штатом в 170 тыс. человек, с бюджетом в 40 млрд. долларов, с правом координации более 20 ведомств, с возможностями и полномочиями, которые «не снились КГБ»; там «персонами года» становятся информаторы (у нас их презрительно называют «стукачами»); там судебный процесс исторически рассматривается как шоу (известный американский поэт Роберт Фрост остроумно заметил о своем суде: "Суд присяжных состоит из двенадцати человек, которые собираются, чтобы решить, чей адвокат лучше") и т. д.

Все эти специфические особенности и институты с точки зрения российских традиций могут показаться нонсенсом. Они критикуются и в США и по мере возможного совершенствуются, но американские законодательные, судебные и исполнительные власти ориентируются не на то, "что скажет княгиня Марья Алексевна", а на свои национальные интересы и исторические особенности, безопасность и мнение своего народа, на свои фактические криминальные реалии и возможности, а не на новоявленных утопистов, «державших нос по западному ветру».

В 1994 г. Б.Клинтон подписал полицейско-репрессивный закон США «О контроле над насильственной преступностью и правоприменяющих органах», ужесточивший борьбу с насильственной преступностью, запретивший продажу и хранение 19 видов наступательного оружия, распространивший смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений, особенно если они совершены фанатиками-террористами, патологически агрессивными людьми и сексуальными маньяками, ситуативными корыстно-агрессивными, профессиональными и организованными преступниками. На его реализацию было выделено 30,2 млрд. долларов. При его подписании Президент США сказал: «Законопослушные граждане заставили услышать их голос. Никогда впредь Вашингтон не поставит интересы политики и партий над правопорядком»¹⁵. Продуманная социальная политика и серьезная борьба с криминалом за 8 лет президентства Клинтона снизили серьезную преступность в США на 22%. В России же почти столетие право плетется за ситуационной и непостоянной политикой, существенно зависящей от настроения ограниченного «патрона», политикой, которая не считается с правом. И в этих приоритетах скрываются серьезные причины низкой эффективности борьбы с преступностью в России.

Третья. Заметный вклад в снижение эффективности борьбы с преступностью вносит стихийный и непрерывный процесс криминализации все новых и новых видов общественно опасного и нежелательного поведения, которое система уголовной юстиции при существующем уровне ее кадрового, финансового, технического и иного обеспечения и при зарегулированным уголовном процессе объективно «переварить» не может. Она **выживает** в связи с противоправной выборочной регистрацией деяний, неполным выявлением виновных лиц и еще более неполным доведением их до суда по принципу, что легче, проще и безопаснее.

В этих условиях УК нуждается в научно обоснованной декриминализации незначительных деяний, в гуманизации ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также в упрощении судопроизводства по этим делам и в других изменениях, способных обеспечить более или менее полную реализацию уголовной ответственности виновных лиц.

¹⁵ Российская газета. 1995, 28 марта.

Такие предложения в той или иной мере вносятся. В Федеральном Собрании во второй половине 2003 г. находится 101 поправка к уголовному законодательству. Ожидается, что в результате принятия этих поправок численность лиц, находящихся в заключении сократится на 150 тыс. человек.¹⁶ Но под покровом гуманизации предлагается (явно по заказу) исключить из УК такой эффективный, гуманный и традиционный вид наказания, как **конфискация имущества**, которая особо нежелательна для лиц участвующих в разграблении России.¹⁷ Это означает, что нувориши, в случае необходимости, готовы получить соответствующее уголовное наказание (например, как бывший министр юстиции Ковалев – 9 лет лишения свободы условно), но лишь бы никто не мог касаться их несправедливо нажитой собственности. Некоторые специалисты уголовного права предлагают в этих случаях применять условное осуждение и при 20-летнем сроке лишения свободы.

Эффективность борьбы с преступностью зависит от адекватного законодательства и по другим отраслям права: конституционного, административного, гражданского и т. д.¹⁸ Особую функцию в этом выполняет уголовно-процессуальное законодательство.

Обращусь к условному примеру. Предположим, что в какой-то аудитории совершена кража ценнейшего предмета. Для его нахождения есть два пути. Первый: обыскать всех, найти предмет и виновного. Путь скорый, эффективный, дешевый, но в данном случае незаконный. Второй: после проведения конференции более или менее полно установить фамилии всех присутствующих, всех допросить по несколько раз, подозревая каждого, провести очные ставки в целях устранения противоречий, провести множество других действий, расследовать дело в течение многих месяцев и даже лет и ничего не найти. Путь очень долгий, дорогой, мало эффективный, но абсолютно законный. Где выход из этого тупикового положения?

Поле поиска указанного выхода относительно большое. Оно лежит между двумя обозначенными позициями в сфере выработки эффективной и законной процедуры, т.е. в сфере УПК. Давно известно, что процедура всемогуща. Она может способствовать решению самых сложных проблем или загубить поиск даже очевидной истины.

Четвертая. Дорогая система уголовной юстиции и в правовом государстве существует для эффективного контроля над преступностью при строгом соблюдении законности и прав личности. В России же некоторые процессуалисты контроль над преступностью противопоставляют судебной защите личности, оценивая при приоритете первого – государство полицейским, а второго – правовым.¹⁹ Они не хотят (или не могут) понять, что эти аспекты не делимы и свойственны самым демократическим странам. А полицейское и правовое государство различаются по другим сущностным признакам. По «передовой» мысли этих ученых контроль над преступностью осуществляется в каких-то заведомо неблагоприятных полицейских целях и не направлен на защиту прав личности добропорядочных граждан от преступников, а последних от иных неправомерных действий. Эти авторы, считают самыми главными защитниками прав человека в

¹⁶ «Российская газета». 2003, 16 сентября.

¹⁷ Автор ознакомился с этим проектом закона после поездки в Италию, где российская делегация изучала проблему конфискации имущества у организованных преступников в целях социального развития, которая там успешно осуществляется в уголовно-правовом, административно-правовом и гражданско-правовом режимах, что серьезно подрывает экономическую базу мафии и которая там существенно потеснена (См., две статьи: Лунеев В.В. Опыт борьбы с организованной и коррупционной преступностью в Италии и Энцо Ло Дато. Антимафиозная культурная революция в Палермо// Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003, № 1. С.85-103.

¹⁸ См., например: Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, ИГП РАН, 2-3 ноября 2000 г.), круглого стола (Москва, ИГП РАН, 17 мая 2001 г.), научно-практической конференции (Москва, ИГП РАН, 29-30 октября 2002 г.) / Под ред. В.В.Лунеева. М., Юрист, 2002.

¹⁹ См., Петрухин И.Л. Судебная власть и расследование преступлений// Государство и право. 1993. № 7. С.81.

уголовном процессе только наемных адвокатов, пекущихся о правах (точнее об интересах и, как правило, неправомерных) обвиняемых, осужденных и подсудимых в ущерб правам потерпевших и иных правопослушных граждан, которые «выпадают» из их прокрустова процессуального ложа. Один «известный» адвокат, глядя в телекамеру, прямо заявил: моя задача развалить уголовное дело в интересах подсудимого.

На подобной порочной теории и строился новый УПК. Это, конечно, не означает, что в нем нет позитивных и нужных процессуальных решений. Но в нем, например, вообще нет речи о борьбе с преступностью, установлении истины, неотвратимости ответственности и других важнейших положений. Он получил отрицательную оценку юридической общественности на научно-практических конференциях.²⁰ В печати был опубликован ряд статей с серьезной критикой кодекса. Одна из них называлась знаково: «Такое впечатление, что новый УПК писали преступники и их адвокаты»²¹. Однако, несмотря на это и то, что в течение первого года его действия было принято 11 законов, существенно изменивших этот кодекс, в содержание которого внесено около 300 изменений и дополнений, свидетельствующих об ущербности его прежних положений, упомянутые ученые, стараются не замечать этого законотворческого провала и упорно твердят свое.²²

Реалистический научный подход исходит из того, что контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности - одним из самых важных, но средств его достижения. Защита прав личности более широкая цель, осуществляемая не только в процессе уголовного судопроизводства, а во всех сферах деятельности. Но без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, вообще невозможна успешная реализация защиты прав личности.

Причина искаженного подхода некоторых процессуалистов вероятно заключена в том, что они восприняли лишь узкое, но на определенном этапе политически выгодное диссидентское представление о нарушениях прав человека и поддерживающей его агрессивной западной пропаганды, которые сообща и не безуспешно боролись с ненавистным коммунистическим режимом. Но проблема сегодня намного шире и глубже этого застойного идеологического штампа.

Для криминологии и социологии права, на основе которого организуется борьба с преступностью, более важны не идеологические догмы, а фактические криминальные реалии. С этой точки зрения **общество нуждается в непрерывном системном изучении этих реалий, их тенденций и закономерностей, которые складываются на основе существующего, пробельного или криминогенного законодательства.**

С введением в действие нового УПК с середины 2002 г. положение с реальной эффективностью еще более осложнилось. В целом за год (хотя кодекс действовал только полгода) учтенная преступность сократилась на 15%, тяжкая и особо тяжкая – на 24, причинившая крупный (значительный) ущерб тоже – на 24, мошенничество – на 12,5, незаконный оборот оружия – на 14,7, угроза убийством – на 15,1, краж – на 27 процентов и т.д. В то же время увеличилось причинение умышленного вреда здоровью (+5%), разбоев (+5), грабежей (+12,4), угонов автотранспорта (+43,2), умышленных поджогов (44,1 процента). Как криминолог могу сказать, что структурные соотношения очень инерционны. Подобные серьезные структурные изменения в течении полугода могут быть только искусственными.

И последнее: раскрываемость всех преступлений при таком существенном снижении нагрузки почему-то уменьшилась на 26%, тяжких и особо тяжких – на 33, а число выявленных лиц - на 23,5%. В первой половине 2003г. эти тенденции продолжались, но в

²⁰ См., например: Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 89-120 и № 10. С. 94-125.

²¹ «Известия». 2003, 23 мая; См. также: Литературная газета. 2002. 6 марта и др.

²² См., Государство и право. 2003. № 6. С. 114.

связи с некоторыми позитивными изменениями УПК, их величины были намного меньше. Приведенные данные сомнительные, противоречивые и настораживающие, так как реально никакого сокращения преступности и ее структурных сдвигов не происходило. Таким образом, при росте фактической преступности сокращение было **выборочным: росли учтенные преступления, которые труднее скрыть и сокращались те, которыми легче манипулировать.** Эти методы давние и общеизвестные. Правда, если раньше такие позитивные сдвиги были чистым мошенничеством правоохранительных органов, то сейчас на помощь им пришел «самый демократичный в мире УПК». На этом фоне безнаказанность, как одна из серьезных причин преступности, существенно увеличилась. Эта безнаказанность отрицательно скажется на преступности ближайших лет.

Обращение к реалиям, как мы видим на истории УПК, в конце концов происходит, когда закон вступает в силу и его приходится лоскутно и долго изменять и дополнять. Но это очень дорогие эксперименты, проводимые в массовом масштабе на живых людях и живых общественных отношениях. Авторы УПК под влиянием застойного синдрома 37 года решали политический вопрос **не об эффективной защите граждан от преступников, а о защите преступников от «кровожадных» следователей и прокуроров.** Такая проблема действительно существует.

Большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных, виновно, хотя доля фактически и юридически невиновных в структуре *преследуемых* тоже не так уж и мала. Она ежегодно достигает 200 тысяч человек (это оправданные; лица, дела о которых возвращены на дополнительное расследование, а затем прекращены за отсутствием состава преступления; незаконно содержащиеся под стражей; лица, в отношении которых были отменены как незаконные постановления о возбуждении уголовных дел и т.д.). Известно, что среди них значительная доля фактических, но не изблеченных преступников. С введением в прошлом году в действие нового уголовно-процессуального законодательства заметно увеличило удельный вес именно таких лиц. Однако избавление от имеющихся нарушений прав личности в уголовном судопроизводстве лежит не в сфере процессуальной зарегулированности. Достаточно взглянуть в характер нарушений прав человека после введение в действие нового УПК. Процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу. Известная сентенция «главная не истина, а процесс ее поиска» непригодна для правосудия. Оно перестает быть нужным и превращается в шоу, которое слишком дорого обходится людям, обществу, государству. Но в новом УПК о поиске истины ничего не говорится. А его некоторые авторы считают: **поиск истины в правосудии – химерой.** При таком подходе оно перестает быть правосудием, а превращается в спортивно-говорильное сражение, где случай или везение играют главную роль.

Пятая. Сведения уголовной статистики, непосредственно свидетельствовавшие о тенденциях борьбы с преступностью, парадоксальны. В 90-е годы, например, когда криминал в России был настоящей властью и так называемые цивилизованные страны, признавали нас одной из самых беспредельно криминальных, коррумпированных и мафиозных стран мира, в России регистрировался самый низкий уровень преступности среди стран Северной Америки и Европы (2 тыс. против 6-12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения). В условиях развала системы уголовной юстиции у нас была самая высокая раскрываемость преступлений в мире (до 80-90% против 22% в США, 30-45 % - в Великобритании, Франции и Германии и 60% - в Японии).

При реальной преступности 12-15 млн. деяний (оценка), у нас регистрируется не более 3 млн., или 20-25% от фактически совершаемых преступлений, из них выявляется около 10% правонарушителей и осуждается к различным видам наказания около 5 человек на 100 лиц, реально совершивших преступления, в том числе к лишению свободы - менее трети. Но и это пенитенциарная система выдержать не могла. Помогали

ежегодные массовые амнистии. Превентивная роль уголовного наказания приравнялась практически к нулю.

Латентная преступность ежегодно приближается к 80 и более процентов от реальной преступности (в европейских странах около 50%). Большая часть латентных деяний (в силу недоверия граждан к правоохранительной системе) является незаявленной, значительная (умышленно или по халатности) - незарегистрированной или не выявленной и меньшая – не доказанной. В связи с этим ежегодно **около 7 млн. реально пострадавших от латентных преступлений добропорядочных граждан не получают никакой правовой помощи от государства. И это не беспокоит не только государство, но даже политически ангажированных правозащитников**, которые сосредотачивают свои усилия главным образом на заключенных. Мне скажут: заключенные тоже люди. Никто не спорит. Об их правах надо серьезно заботиться. Но при этом не надо забывать о правах правопослушных граждан. Проблема эта единая и комплексная.

Серьезным показателем эффективности борьбы с преступностью является **соотношение сил и средств системы уголовной юстиции с фактическими результатами ее деятельности**. По сведениям ООН (1994 г.) число полицейских на 100 тыс. населения в России было самым большим в мире (1224)²³ при среднемировом числе - 371. За Россией следует Сингапур (1074), Уругвай (840), Бермуды (796), Казахстан (778). Франция на 26 месте (349), Англия и Уэльс – на 27 (346), США – на 31 (300), Швеция – на 34 (281), Япония – на 44 (207) и т.д. Эти сравнения показательны. В Швеции, например, число полицейских на 100 тыс. населения в 4,5 раза было меньше, чем в России, а они «обслуживали» в 6,5 раза больше учтенных преступлений, чем в России (в 1994 г. в Швеции регистрировалось 12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, а в России – только 1,8 тыс.). И это при условии, что латентная преступность в России многократно выше, чем в Швеции, но она органами внутренних дел и другими правоохранителями не выявляется и не учитывается.

Показательными являются и такие данные. В 2002 г. в результате **применения табельного оружия** в России уничтожено 107 и ранено 402 преступника, а от рук преступников погибло 212 и ранено 523 сотрудника милиции. И так из года в год. Преступники действуют эффективнее, чем органы правоохраны против вооруженных преступников. Статистических и конкретных фактов низкой эффективности непосредственной борьбы с преступниками можно приводить много. Нужны серьезные кадровые реформы. А они, как правило, ограничены структурными перестановками избыточного управленческого состава в МВД и других правоохранительных органах.

Шестая. В России нет сведений о **реальной цене фактической преступности и правонарушаемости**, которая включает в себя совокупный физический, материальный и моральный вред, причиняемый противоправным поведением гражданам, экономике, государству, национальным и международным отношениям, а также огромные расходы, затрачиваемые на всю систему уголовной юстиции, содержание осужденных и органов исполнения наказания. В эту цену следует включить теневую экономику и расходы на дорогостоящую охрану от преступных посягательств, системы слежения, защитные устройства и т. д. В отсутствии данных о реальной цене преступности практически невозможно со всей полнотой оценить реальную эффективность борьбы с преступностью. Предположительно, эта цена может быть сопоставима с бюджетом страны, если не больше.

Реально система уголовной юстиции возвращает крохи. В 2002г., например, сумма изъятого у преступников имущества составила 21,5% от установленной суммы ущерба по зарегистрированным и расследованным преступлениям. А устанавливается лишь

²³ За последнее десятилетие численность правоохранительной системы существенно возросла. Штатная численность только вновь образованного Государственного комитета РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ составила 40 тысяч человек, из них 154 единицы должностей высшего начальствующего (генеральского) состава.

мизерная часть прямого реального ущерба. Если же экстраполировать это соотношение к причиненному ущербу реальной преступности, то доля возвращенного имущества не превысит 1-2%. А если возмещенный ущерб соотнести с реальной ценой фактической преступности, то он не превысит и тысячной доли процента. Административные правонарушения, выявленные и латентные, причиняют не меньший вред, чем преступления, который возмещается на порядок меньше, чем в криминальной сфере.

Многочисленные экспертные оценки уровня реально совершаемой преступности в России сходятся на цифре 12-15 млн. деяний в год. И это оптимистичное предположение. В действительности этой цифры никто не знает и она системно ни кем не изучается. Есть лишь отдельные ограниченные исследования. В США, Великобритании, Канаде, Австралии и других странах 1-2 раза в году проводятся репрезентативные социологические изучения виктимизации граждан. В России пока нет у властей желания приблизиться к регулярному и системному познанию фактической криминализации общества, которая подрывает все общественные устои в стране.

При изучении фактического уровня преступности нельзя также забывать об уровне административных правонарушений. В современной России существует около 40 ведомств и органов административной юрисдикции. **Только по линии МВД и судов ежегодно регистрируется до 80 млн. административных правонарушений.** Их латентность многократно выше латентности преступности. О деятельности других органов административной юрисдикции никаких данных нет. Если все подсчитать и суммировать, то мы получим реальный уровень преступности и правонарушаемости в стране. Статистически он намного превысит общую численность ее населения, включая стариков и детей.

Седьмая. Низка эффективность борьбы с **отдельными видами преступлений.**

Убийство ошибочно считается самым низко латентным деянием, а значит и борьба с ним якобы более эффективна. Так ли это в России? В 2002 г. в стране было зарегистрировано 32,3 тыс. убийств, или 22,4 убийства на 100 тыс. населения. При этом надо иметь в виду, что в России учет убийств осуществляется по фактам, а не по жертвам, как в США, т.е. убийство десятков или сотен человек взрывом – это одно преступление, квалифицируемое по ст. 105 пп «а» и «е» (убийство двух и более лиц, совершенное общеопасным способом). Например, в этом же году было учтено 360 террористических актов, многие из которых унесли сотни жизней, а по учету две статьи - терроризм и убийство двух и более лиц. Кроме того, в России ежегодно регистрируется до 60 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, более трети которых заканчивается последующей смертью потерпевшего, но как убийство не квалифицируется, а учитывается по ст. 111 ч. 4 УК. Более 30 тысяч человек без вести пропавших не находится и более чем сопоставимое количество обнаруживается неопознанных трупов. Если все это сложить, коэффициент убийств возрастет в 4-5 раз.

По данным ООН (1994 г.) в мире в среднем совершается 9,8 убийств на 100 тыс. населения, в арабских государствах – 2,4, в Западной Европе – 3,5, в Южной Азии – 7,2, в Северной Америке – 9,0, Африке – 15, в Латинской Америке – 21,0. При самой критической оценке приведенных данных, уровень убийств в России на порядок выше среднемировых, а по сравнению с некоторыми регионами - еще больше. И это при условии, что коэффициент всей учтенной преступности даже в самом благополучном регионе, в Западной Европе, превышает российский коэффициент зарегистрированной преступности в 4-6 раз. Уровень умышленных убийств самый высокий, а уровень всей преступности самый низкий – статистический абсурд.

Всего же от различных преступлений в 2001 г. в России погибло 78,7 тыс. человек, а с учетом неопознанных трупов и не найденных без вести пропавших лиц, в числе которых обычно до половины убитых, – около 150 тыс. И это ежегодно. А если учесть около 60 тыс. самоубийц (в нашей стране их число превышает критический показатель ВОЗ для развитых стран в 3 раза, а у российских мужчин он в 6 раз выше, чем у женщин и это, как

правило, результат наших порочных реформ), гибель под колесами транспорта (33 тыс.), от поджогов и пожаров (20 тыс.), гибнувших от наркотиков, фальсифицированных лекарств, спиртных напитков и продуктов, от голода и холода, то общее число погибших главным образом в связи с бездействием государства, составит около 500 тыс. человек.²⁴ Вот кто в первую очередь нуждается в защите прав человека и гражданина – невинные жертвы российской политики. К слову сказать, смертность в местах лишения свободы в расчете на 100 или 10 тыс. населения (заключенных) в 2 раза ниже, чем среди добропорядочных граждан того же возраста.

Совершение преступлений более эффективная деятельность, чем борьба с ними. Особой эффективностью обладает **терроризм**. Террористы при ограниченных силах и средствах достигают глобальных целей, которых невероятно трудно добиться в традиционной войне. Возможность привлечения к ответственности – минимальна. Раскрываемость терроризма в нашей стране по отдельным видам не превышает 10-20%. Тогда как 80-90% террористических актов достигают цели. Таким образом, эффективность террористической деятельности в 6-8 раз выше антитеррористической деятельности. Правда в последнее время антитеррористическая деятельность приобретает опережающий характер и это повышает ее эффективность. Современный терроризм практически стопроцентно организованный. А доказывать организованность терроризма еще труднее. В 2002 г. расследовалось 518 случаев терроризма. Завершено расследованием было 86, или 16,6%. Из них установлено всего лишь 22 случая (около 4%), которые были совершены организованными преступными формированиями. В предыдущие годы эти данные были еще хуже. Не раскрытая организация продолжает действовать.

Экономическая преступность причиняет невероятно огромный вред обществу. Даже самые тяжкие заказные убийства фактически являются всего лишь «пенной» на безбрежной экономической преступности. По многим оценкам она регистрируется не более 5% от реально совершаемой, раскрывается еще меньше, а до суда доходят единицы дел, да и те завершаются условным осуждением или проплаченным оправданием.

Еще менее эффективна борьба с **коррупцией**. Во-первых, наиболее распространенные и опасные современные формы коррупции в России вообще не криминализованы, а во-вторых, даже те, что предусмотрены в УК, – фактически бездействуют. При самой оптимистичной оценке регистрируется не более 1% реального взяточничества. Но коррупция не сводится к взяточничеству. По данным Фонда ИНДЕМ, сумма взяток, получаемых чиновниками от предпринимателей (деловая коррупция) им оценивается в 33,5 млрд. долларов (чуть меньше доходной части бюджета), а от граждан (бытовая коррупция) – почти в 3 млрд. долларов. По рейтингу коррумпированности на первом месте – политические партии, на втором – служба безопасности дорожного движения, на третьем – Государственная Дума, на четвертом – правоохранительные органы и т.д.

Прогноз

1. Элементарная экстраполяция анализируемых криминологических реалий не дает оснований для оптимистического прогноза преступности. С ростом ее прямо и сильно коррелирует динамика административных правонарушений, аморальных явлений, пьянства, наркомании, токсикомании, самоубийств, проституции, бродяжничества, нищенства, распада семей, безотцовщины, детской беспризорности, иных социальных отклонений, а также психических расстройств и других криминогенно-фоновых явлений.

2. Нет каких-либо оснований полагать, что в ближайшие годы будет реально сокращаться, социально несправедливый, беспрецедентный и исключительно

²⁴ См.: Демографический ежегодник России. Официальное издание. М., 2002. С. 214; Состояние преступности в России за 2002 год. ГИЦ МВД. 2003. С. 16-28, 34; Преступность и правонарушения (1998-2002). М., 2003. С. 130-146; Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб, 2003. С. 12-13; Российская газета. 2003, 6 октября и другие источники.

криминогенный разрыв между бедностью и богатством (по разным оценкам децильный коэффициент колеблется в пределах 1:30-1:100 при социально терпимом 1:4 и социально неблагоприятным 1:10). Нет оснований ожидать и торжества конституционного принципа равенства всех граждан перед законом и судом. Для этого нужна решительная политическая воля.

3. Отсутствуют данные о том, что правоохранительные органы в прогнозируемом будущем будут полнее регистрировать совершенные преступления (хотя попытки объективировать учет преступности и целевую деятельность милиции предпринимаются), что они будут раскрывать большую часть учтенных преступлений, что уголовно-правовой контроль над преступностью не будет отставать от ее роста. Уголовная юстиция и правовая база ее деятельности – системы малоподвижные, инерционные и дорогостоящие.

4. Начавшейся противоречивый процесс формирования социально-правового контроля (конституционного, судебного, прокурорского, административного, налогового, финансового, бюджетного, валютного, таможенного, пограничного, миграционного, медицинского, санитарного, экологического, гражданского, общественного и т. д.), может уменьшить противоправные возможности. Но этот процесс эволюционный медленный, связанный не только с правовыми, организационными и бюджетными решениями, но и с преодолением укоренившихся социально-психологических стереотипов десятков тысяч чиновников и многих миллионов других граждан.

5. Высокой криминогенностью угрожает идущая глобализация мира. Обострение проблемы занятости сделает реальностью прогнозы глобалистов-прагматиков о действии схемы 20:80, когда 20% населения будет востребовано, а 80% - избыточно со всеми вытекающими криминогенными обстоятельствами. Расширение рынков финансовых спекуляций, позволит поставить на грань финансового краха и криминальной анархии любую неугодную страну. Рост роли транснациональных компаний и наднациональных образований, руководствующихся своими корыстными интересами, будет способствовать захвату суверенитета государств и снижению возможностей национальных правительств по поддержанию правопорядка.²⁵ Тогда как для транснациональных компаний преступность в стране деятельности, если она не влияет на прибыль и сверхприбыль, им безразлична. Это можно видеть в Афганистане (где производство наркотиков после прихода американских войск и транснациональных компаний, достигло невероятных размеров) и в Ираке, где в аналогичной ситуации разграблены многовековые культурные ценности и идет интенсивный рост преступности. Все это будет способствовать не снижению преступности, а ее росту, транснационализации и более успешному противостоянию системе уголовной юстиции.

6. И последнее. **Мир стоит еще перед одним новым и серьезным испытанием.**²⁶ В начале прошлого столетия в связи с острыми политическими, экономическими и социальными противоречиями шел интенсивный процесс революционизации народных масс, которые служили широкой социальной базой для революционеров. Революционное насилие, каким бы справедливым оно не было, оно по методам действий сродни преступному, террористическому. Ответом на надвигающуюся революцию было не решение политических, социальных и экономических проблем, а полицейское насилие. Революция победила в России и стала распространяться в другие страны. Боязнь потерять все, цивилизовала капитализм.

²⁵ См.: Лунеев В.В. Глобализация и преступность.// Государство и право. 2003. № 6. С.115-118; Мартин Г.-П, Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. Пер. с нем. М., 2001; Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ. М., 2003; Хомский Н. Прибыль на людях. Пер. с англ. М., 2002; Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002 и др.

²⁶ Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002. С. 26-115.

В начале текущего столетия политические, социальные и экономические противоречия в глобализирующемся мире, выдвигают новых революционеров, революционеров-террористов, поддерживаемых нищими и обобранными народами, к тотальной преступной, экстремистской и террористической деятельности против богатых и ненавистных стран и правительств. И снова ответом является не решение накопившихся проблем в условиях голода, нехватки органического сырья и биоресурсов, а разработка новых методов насильственной защиты, что кардинально проблемы противотеррористической защиты не решает.

Не следует забывать и об интенсивно наступающих глобальных демографических диспропорциях, когда прирост населения богатых стран за счет собственных ресурсов фактически прекратился и приобретает отрицательную динамику с одновременным и быстрым старением населения, а темпы прироста населения (в том числе мусульманского) в беднейших и перенаселенных странах Азии, Африки, Латинской Америки не только не снижаются, а даже интенсивно растут.

Европейский, североамериканский и российский народы уже сейчас не могут сдерживать массовый наплыв мигрантов из перенаселенного и беднейшего юга. Более того, согласно серьезным исследованиям стратегия «догоняющего» развития имеет свои объективные пределы²⁷. Даже для России она практически мало реализуема. Перед ней пятилетней задачей (при благополучных условиях) является догнать по уровню жизни отсталую европейскую страну – Португалию, через 13 лет – Испанию, через 19 – Австрию²⁸. А отсталость южных стран от технологически развитого Северо-Запада становится практически не преодолимой. Безвыходность населения отсталых стран – серьезная социальная база для прогнозирования радикализма преступности и терроризма.

Авторы изданной по заказу Пентагона книги «Терроризм 2000: будущее лицо террориста» М. Сетрон и О.Дэвис считают, что «заврашние террористы будут вдохновляться не политической идеологией, а яростной этнической и религиозной ненавистью ... Ядерное, биологическое и химическое оружие окажется идеальным для их целей...»²⁹

Все эти непримиримые противоречия и огромные технологические возможности (пример Индии, Пакистана и Израиля показывает, что запретить разработку ядерных программ и распространение ядерного оружия практически не удастся) могут служить серьезными источниками экстремистской и террористической деятельности с применением средств массового уничтожения людей, если не произойдет **своевременного и радикального пересмотра мировой политики в интересах спасения всей человеческой цивилизации, а не ее отдельных стран.**

Вывод. Необходим серьезный критический и продуктивный анализ существующих криминологических и правовых реалий, угроз и возможностей. Реалистичный выход из создавшегося положения лежит в **ювелирной гармонизации сложных двуединых задач: свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового регулирования (контроля), эффективности и гуманности, эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и строжайшим соблюдением фундаментальных прав человека в каждой стране и в мире в целом.** И в этом плане совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, на базе глубокого изучения реалий и прогноза их возможного развития в ближайшем будущем, является стратегической задачей юридической науки уголовно-правового цикла.

© Лунеев В.В., 2003

²⁷ Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000. С. 48-119.

²⁸ Российская газета. 2002, 15 июня.

²⁹ Цит. По: Современный терроризм: состояние и перспективы. С. 76.